

РМН
Скай

Лишние килограммы
ВСЕ РАДИ ТЕБЯ

СОВРЕМЕННЫЙ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Рин Скай
Лишние килограммы.
Все ради тебя

<https://litres.ru/74687894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года назад я был неуверенным в себе офисным толстяком, живущим с матерью, но однажды я понимаю, что встретил ту, ради которой способен на все. Никто в меня не верил, но верил я сам. И у меня все получится. Потому что это все ради нее. Ради Каролины.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рин Скай

Лишние килограммы.

Все ради тебя

ГЛАВА 1

ГРИГОРИЙ

Обед в крупной логистической компании Волковой Каролины Эдуардовны - мое любимое время рабочего дня. Я жду его с самого утра. Порой еще не успеваю включить компьютер, а уже поглядываю на часы в правом нижнем углу экрана и прикидываю, сколько осталось до перерыва.

У нас в айти-отделе принято скидываться и заказывать доставку пиццы. Обычно берем несколько больших, чтобы всем хватило. Я всегда голосую за пеперони. Желательно с двойным сыром и чтобы колбасы было побольше.

- Гришаня, тебе какую? - спрашивает одна из девчонок, собирая заказ.

- Пеперони. И соус сырный добавьте.

- Может, овощную возьмем?

- Зачем? Мы что, козы траву жевать?

Пацаны смеются, а я довольно откидываюсь на спинку кресла. От одной мысли о горячей пицце у меня начинается

урчать в животе.

Я, конечно, уже еле помещаюсь в любимую футболку и джинсы. Футболка натягивается на животе так, что ткань становится почти прозрачной, а живот отчаянно нависает над ремнем. Когда сажусь, приходится расстегивать верхнюю пуговицу на джинсах, иначе она впивается в тело. Но поесть я люблю больше, чем переживать из-за одежды.

А что поделать? У меня кость широкая. Мама всегда так говорит.

За двадцать пять лет своей жизни я никогда не был худым. В детстве я был упитанный, с круглыми щеками, и хорошо кушал на радость маме. Она постоянно хвалила меня:

- Молодец, Гришенька. Хороший аппетит - признак здоровья.

В юношеском возрасте я немного вытянулся. Мама испугалась, что я стал слишком худым, и стала закармливать меня вдвойне. На завтрак делала бутерброды с маслом и колбасой, на обед варила наваристые супы, а вечером обязательно жарила что-нибудь сытное.

Вот и сегодня она собрала мне на работу полный контейнер жирных котлет. Шесть штук. Рядом жареная картошка, с которой буквально стекает масло. В отдельный пакет засунула пирожки с клюквой.

- Мам, зачем так много? - спросил я утром скорее для приличия.

- А что тут много? Ты мужчина, тебе силы нужны.

- Мы еще пиццу на работе заказываем.

- Пицца – это так, баловство, а не еда. Сначала нормально поешь.

Но я собираюсь поступить наоборот. Сначала съем пиццу, потом котлеты с картошкой, а пирожки оставлю на десерт. Вкусно же. Отказываться от домашней еды глупо, особенно когда мама старается.

Но не все в нашем отделе любят сытно поесть. Вот, например, Ренат. Мой непосредственный руководитель. Ему тридцать лет. Он разведен и по вечерам не вылезает из спортзала, а на работу часто приносит контейнеры с гречкой и сухой куриной грудкой.

- Как ты это ешь? - спросил я однажды, заглядывая в его контейнер.

- Зато я на третий этаж без одышки поднимаюсь, - ответил он, с презрением глядя на меня.

Ренат все время подкалывает меня из-за полноты и рыхлого тела. Девчонки хихикают, пацаны ржут. Я тоже смеюсь вместе со всеми, хотя в глубине души мне обидно.

- Гришаня, тебе отдельное кресло скоро заказывать придется, - говорит Ренат.

- Лучше диван, - отвечаю я. - На нем удобнее.

Все снова смеются. Я улыбаюсь, хотя чувствую, как горят щеки. Ничего, думаю я. Мамин пирожок с клюквой нивелирует любую обиду.

После очередной шутки Ренат протягивает мне стакан-

чик.

- Гришаня, принеси кофе. Двойной эспрессо, без сахара.
- Почему опять я?
- Потому что ты самый младший в отделе, а я начальник.

Я тяжело поднимаюсь из кресла и иду вниз, к кофейному автомату. Все девчонки в нашем офисе западают на Рената. Стоит ему пройти по коридору, как они поправляют волосы и начинают улыбаться. А он относится к ним с пренебрежением.

Наверное, Ренат сильно обижен на бывшую жену и теперь плохо отзывается почти обо всех женщинах.

- Я буду встречаться только с нецелованной двадцатилетней девственницей! - любит заявлять он. - Остальные женщины так, на разок, для здоровья.

Мне даже те женщины, которые для Рената на один раз, не светят. По началу я пытался строить отношения, но мама разогнала всех моих невест. Одной заявила, что та охотится за нашей двушкой. Вторую обвинила в краже серег, хотя позже я понял, что серьги никто не крал. Третью назвала временной прямо за семейным ужином.

- Гриша еще встретит достойную девушку, - сообщила мама. - А ты у него так, ненадолго.

После этого девушка заблокировала меня везде.

Возле кофейного автомата стоит Жанна, очаровательная толстушка из бухгалтерии. Ренат презрительно называет ее носорогом. Он вообще всех женщин весом больше пятиде-

сяти килограммов считает толстыми бегемотихами*.

**автор осуждает мнение данного персонажа.*

- Жанна, привет, - говорю я.

- Привет, - кисло отвечает она.

Она ростом примерно как я, где-то сто семьдесят сантиметров. Я вешу сто двадцать килограммов и думаю, что она весит примерно столько же. Все женщины озабочены своей фигурой, поэтому мне кажется, что Жанна грустная именно из-за лишнего веса.

Я-то мужчина. Мужчина в любом весе и виде остается желанным женихом. Так мама говорит. А на такую, как Жанна, наверное, никто и не взглянет.

И тут мне в голову приходит мысль: а что если к ней подкатить?

Ренат, конечно, будет дико ржать, если узнает. Зато у меня появится свидание. Хоть с толстухой. Я расправляю плечи, вытягиваю живот насколько это возможно, и опираюсь рукой на кофейный автомат.

- Жанна, а что ты сегодня вечером делаешь?

Я играю густыми бровями, как когда-то видел в кино. Мне кажется, что выгляжу уверенно и загадочно.

Жанна медленно поворачивает голову и смотрит на меня со злостью.

- Господи, Гриша, отвали!

Она произносит это с таким презрением, будто я предлагаю ей не свидание, а что-то ужасное. Потом разворачивает-

ся и быстро идет по коридору.

Я несколько секунд стою возле кофейного автомата, не веря своим ушам. В смысле отвали? Я до нее снизошел, до этой жирной бегемотихи, на которую Ренат в жизни не взглянет, а она меня отшивает?

Мама права. Женщины совсем умом тронулись.

- Нет, погоди! - кричу я и спешу за Жанной.

Она идет быстро, и мне приходится почти бежать. Уже через несколько шагов я начинаю задыхаться.

- Жанна, стой! Да постой ты!

- Что еще? - раздраженно спрашивает она, останавливаясь.

- А чего отвали? Почему ты меня отшиваешь?

Она оглядывает меня с головы до ног. Ее взгляд задерживается на растянутой футболке, животе и расстегнутой верхней пуговице джинсов.

- Ты себя в зеркале видел? - фыркает она.

Я не ожидаю такого ответа и чувствую, как внутри поднимается злость.

- Видел. А ты себя видела? - задаю встречный вопрос. - Ты толстая, некрасивая. Да на тебя вообще никто не посмотрит!

- Алло, Жорик, Гриша, как там тебя, я в следующем месяце замуж выхожу!

Жанна краснеет от злости и демонстрирует мне палец с кольцом. Я только теперь замечаю тонкий золотой ободок.

- Замуж? Ты? Это кто же на тебя позарился? Ренат бы точ-

но не...

- Представь себе, позарился! На этого нарцисса Рената я бы сама не взглянула даже! И с тобой встречаться я точно не собираюсь. Я себя не на помойке нашла!

- Можно подумать, ты сильно за собой следишь.

- В отличие от тебя, слежу! Я трачу на себя половину зарплаты. Хожу в бассейн, к косметологу и правильно питаюсь. И вешу я всего восемьдесят килограммов, что при моем росте является верхней границей нормы.

Я молчу, не зная, что ответить. Жанна сердито поправляет сумку на плече и добавляет:

- Я-то похудею. А вот ты мозги себе новые отратишь вряд ли!

ГЛАВА 2

ГРИГОРИЙ

К себе в отдел я возвращаюсь весь расстроенный и взмыленный. Футболка липнет к спине, волосы падают на лоб, а в руке у меня стакан кофе, который я по дороге чуть не расплескал от злости на Жанну. Подхожу к столу Рената.

- Вот твой кофе.

- Спасибо, - отвечает он, но почему-то не смотрит на меня.

- Там это... Тебя в отдел кадров вызывают.

- Меня? - переспрашиваю я. - Зачем?

- Не знаю. - Ренат отводит глаза и принимается с каким-то чрезмерным вниманием рассматривать монитор.

Я сразу чувствую неладное.

- Что случилось? - пугаюсь я. - Я вроде ничего плохого не сделал. Все задачи закрываю. Ну, почти все. С последней только немного задержался, но ты же сам сказал, что ничего страшного.

- Сходи и узнаешь, - отвечает он, берет кофе, отворачивается и начинает быстро стучать по клавиатуре, будто внезапно получил самую важную задачу в своей жизни.

Странно это все, но делать нечего, и я иду в отдел кадров.

По дороге пытаюсь вспомнить все свои ошибки за последний месяц. Может, кто-то заметил, что я иногда опаздываю после обеда? Но всего на пять минут. Или начальству не нра-

вится, что я смотрю ролики на рабочем компьютере? Так я смотрю их только во время перерыва. А может, Лена пожаловалась, что я случайно удалил ее файл? Но файл же восстановили. Да и сама она тогда смеялась.

В отделе кадров за большим столом сидит Клавдия Ивановна. Перед ней лежит какая-то бумага. Увидев меня, она тяжело вздыхает и поправляет очки.

- Заходи, Григорий. Дверь закрой.

Закрываю дверь и тяжело сажусь на стул напротив.

- Клавдия Ивановна, я ничего не ломал, - сразу сообщаю я. - Если это из-за сервера, то меня в тот момент вообще рядом не было.

- Не из-за сервера.

- А из-за чего?

- Тут такое дело... Наша генеральная директриса и владелица компании, Каролина Эдуардовна Волкова, требует оптимизировать кадры.

- Это как?

- Сократить расходы на сотрудников.

Я смотрю на нее и пока не понимаю, какое отношение эти расходы имеют лично ко мне.

- В айти-отделе сокращают твою должность, - продолжает Клавдия Ивановна. - Компания повсеместно внедряет искусственный интеллект. Руководство считает, что джуны компании больше не нужны.

- Совсем не нужны?

- Получается, что так.

- А кто тогда будет делать всю простую работу?

- Искусственный интеллект.

- Но он же тоже ошибается!

- Значит, его ошибки будут исправлять мидлы и сеньоры.

Меня словно пыльным мешком по голове ударяют. Еще утром я спокойно пришел на работу, включил компьютер и думал, что самой большой моей проблемой остается выбор пищи на обед. А теперь выясняется, что мне вообще больше некуда приходить.

- А если я стану сеньором? - спрашиваю я, цепляясь за последнюю надежду.

Клавдия Ивановна смотрит на меня поверх очков.

- Вот когда станешь, тогда и приходи.

- Но как я стану сеньором, если меня сейчас увольняют?

- Это уже не ко мне вопрос.

- Может, меня хотя бы мидлом сделать?

- Гриша, должности не выдаются просто по просьбе.

- Я быстро научусь. Пусть Ренат научит меня.

- Ренат может быть и научит. Но в документах ты джун.

Чувствую, как футболка намокает под мышками и еще сильнее прилипает к спине. В кабинете становится невыносимо душно. Очки запотевают, и Клавдия Ивановна превращается в расплывчатое пятно. Без очков я почти ничего не вижу, потому что зрение у меня минус шесть.

- Можно окно открыть? - спрашиваю я.

- Открывай.

Я приоткрываю окно, тяжело опускаюсь на стул и протираю очки краем футболки.

- Кого еще сокращают?

- Только тебя.

- В смысле только меня?

- В прямом. Ты у нас джун.

- Вообще-то не только я. Лена и Света тоже джуны. Мы вместе пришли в компанию. У нас даже испытательный срок в один день закончился.

- Ренат говорит, что они уже мидлы.

- Ренат так говорит?

- Да. Он подал список сотрудников на сокращение.

Я замираю с очками в руке.

- Какой список?

- Из тебя.

Надеваю очки и несколько раз моргаю. Теперь мне становится понятно, почему Ренат отводил глаза. Выходит, он заранее все знал. Более того, именно он как руководитель отдела решил оставить Лену и Свету, а меня отправить на улицу.

- А почему он мне ничего не сказал?

- Это ты у него спроси.

Вообще-то Рената я считаю другом. Не то чтобы мы прям друганы-друганы. Но я все равно отношусь к нему как к старшему товарищу. Он помог мне освоиться в отделе, объясня-

ет задачи и иногда закрывает глаза на мои опоздания. Да, он насмехается надо мной, но терпимо. А теперь при первой же возможности он подставил меня под сокращение.

- Значит, меня увольняют? - уточняю я.

- Увольняют со всеми положенными компенсациями и выплатами, так что не переживай, у тебя будет время подыскать себе другую работу. Вот уведомление. Ознакомься и распишись.

- А если я не распишусь?

- Это ничего не изменит.

Я беру бумагу, но буквы прыгают перед глазами. Мне становится ужасно обидно. Я только нашел такую большую серьезную компанию, где хорошо платят и есть бесплатный кофе с печеньками. В отделе всегда весело, рядом Лена и Света, если что непонятно Ренат все объяснит. До офиса мне ехать всего две остановки. А дома меня ждут только мама и компьютерные игры. У меня даже друзей кроме Лены, Светы и Рената нет.

- Почему все так несправедливо? - спрашиваю я. - Я же стараюсь.

- Знаю, Гриша.

- Я даже иногда даже остаюсь после шести. Перерабатываю.

- Два раза за полгода.

- Все равно ведь перерабатываю.

Клавдия Ивановна снова вздыхает.

- Ой, Гришка, сильно расстроился?

Ну конечно я расстроен! А как мне не расстраиваться? Меня сначала Жанна отшила, потом я узнал, что Ренат меня под сокращение отправил, а потом меня еще и искусственный интеллект заменит. Потрясающе.

- Не переживай ты так. Ты мне моего сына напоминаешь. У меня аж сердце за тебя болит.

- Вашего сына тоже уволили?

- Нет, он пока в университете учится. Слушай, тут такое дело... Каролина Эдуардовна недавно свою секретаршу уволила. Не хочешь попробовать пойти к Волковой секретарем?

Я уверен, что ослышался.

- Я?!

- А что тебя так удивляет?

- Но я программист.

- Ты менеджмент окончил, а программистом стал после онлайн курсов.

- Курсы хорошие. Мама за них большие деньги отдала.

- Я не спорю. Но высшее образование у тебя все-таки управленческое. Ты исполнительный, вежливый, поручения выполняешь.

- Да, я такой, - соглашаюсь я.

Мама всегда говорит, что я самый добрый и умный. Правда, если я такой хороший, почему меня сначала отшивает бегемотиха Жанна, а теперь сокращают из отдела? Но вслух я этого не произношу.

- А что секретарь делает? - спрашиваю я.

- На звонки отвечает, встречи назначает, документы разбирает, кофе готовит. Иногда выполняет личные поручения Каролины Эдуардовны.

- А зарплата какая?

Клавдия Ивановна называет сумму, и я мысленно присвистываю. Мама забирает всю мою зарплату, а тут можно и себе половину припрятать.

- Это больше, чем я сейчас получаю!

- Я тебе о чем и говорю. И в экраны меньше пялиться будешь. Ты с этими компуктерами все зрение себе посадил.

- У меня оно еще со школы плохое. Сажали на последнюю парту, вот я и не видел.

- Тем более. Будешь бегать по поручениям начальницы, станешь стройным и красивым.

- А сейчас я разве некрасивый?

Клавдия Ивановна окидывает меня оценивающим взглядом, хмыкает.

- Сейчас ты расстроенный и взмыленный.

Я задумываюсь. Может, и правда стоит попробовать? Зарплата больше, а сложностей на первый взгляд меньше. Знай себе вари кофе, отвечай на звонки и записывай встречи. К тому же не придется снова ходить по собеседованиям. Я их терпеть не могу. Там постоянно спрашивают о моих сильных сторонах и о том, кем я вижу себя через пять лет. Откуда мне знать, кем я буду через пять лет, если еще пять минут назад

я не знал, что сегодня меня уволят?

- Ну что? - спрашивает Клавдия Ивановна. - Согласен?

Я еще раз смотрю на уведомление о сокращении, потом вспоминаю Рената, который даже не решился посмотреть мне в глаза. Возвращаться в свой айти отдел теперь совсем не хочется.

- Я согласен, - отвечаю я. - Оформляйте меня секретарем.

ГЛАВА 3

ГРИГОРИЙ

- Э, нет, не так быстро, - останавливает меня Клавдия Ивановна, когда я уже собираюсь подняться со стула. - Сначала ты должен пройти собеседование с самой Каролиной Эдуардовной. Я узнаю, когда ей будет удобно, и ты, мой друг, должен прийти без опозданий и в подобающем виде.

Я замираю, так и не успев до конца выпрямиться, а потом снова тяжело опускаюсь на стул.

- Это в каком еще подобающем виде?

Клавдия Ивановна выразительно смотрит на меня поверх очков. Я тоже решаю оценить собственный внешний вид и опускаю глаза. На мне старая растянутая футболка, которую я обычно надеваю на работу по пятницам. Под мышками темнеют пятна пота, ткань на животе собралась в складки, а на груди виднеется подозрительная крошка. Кажется, от обеденной пищи.

Ну, переволновался и вспотел. С кем не бывает? Мужчине это не страшно. Так мама говорит.

- А что не так с моим видом? - спрашиваю я и на всякий случай смахиваю крошку. - Нормальная футболка. Почти новая.

- Григорий, она выглядит так, будто в ней пережили три переезда и отпуск.

- Зато удобная.

- На собеседование ты придешь в костюме, - отрезает Клавдия Ивановна. - В опрятном виде. Чистая рубашка, брюки, пиджак. И обувь нормальную надень.

Я смотрю на свои кроссовки. На левом развязался шнурок, а на правом остался след от чьей-то подошвы после утренней поездки в маршрутке.

- Кроссовки чем плохи?

- Всем.

- Может, мне еще галстук повязать? - фыркаю я.

Надеюсь, она оценит шутку, но кадровичка даже не улыбается.

- Повяжи.

- Я пошутил.

- А я нет.

- У меня, может, галстука нет.

- Купи.

- Ради одного собеседования?

- Ради возможности сохранить работу в этой компании, - спокойно уточняет она. - Каролина Эдуардовна - серьезный и требовательный руководитель. Ее секретарь должен быть ей под стать. Иначе она просто не возьмет тебя.

Я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди. Стул подо мной жалобно скрипит.

- Господи, какая разница, в чем варить кофе?

Клавдия Ивановна медленно снимает очки и кладет их пе-

ред собой. По ее лицу я понимаю, что сейчас услышу что-то неприятное.

- Ты действительно думаешь, что секретарь только кофе варит?

- Еще на звонки отвечает, - предполагаю я. - Говорит. "Добрый день, приемная Каролины Эдуардовны". Могу прямо сейчас потренироваться.

Я прикладываю ладонь к уху, изображая телефонную трубку, и стараюсь придать голосу важность:

- Добрый день, ее величество занято. Перезвоните после обеда.

- Гриша!

- Что?

- Это не смешно.

Я убираю руку и вздыхаю.

- Да понял я. Документы, звонки, расписание, кофе. Что там еще?

- Встречи, письма, поручения, организация поездок, работа с отчетами. Тебе придется держать в голове десятки задач и не путать их. Каролина Эдуардовна не станет по пять раз повторять одно и то же.

- У меня для этого телефон есть. Напоминания поставлю.

- Але, Гриша! - Клавдия Ивановна щелкает пальцами у меня перед носом. - Спустишься с небес на землю и почитай в своем компуктере, как должен выглядеть приличный секретарь.

- В компьютере, - машинально поправляю я.

- Мне все равно. Хотя в компьютере, хоть в своем интернете. Главное, чтобы ты понял: вести себя нужно серьезно.

- Я умею серьезно.

Она смотрит на мою футболку, потом на кроссовки и снова мне в лицо.

- Не сомневаюсь.

Я уже открываю рот, чтобы защитить свою честь, но в этот момент на ее столе звонит телефон. Клавдия Ивановна бросает взгляд на экран, мгновенно выпрямляется и хватается трубку. Даже выражение лица у нее меняется. Только что она отчитывала меня, как непутевого школьника, а теперь выглядит так, словно собирается докладывать директору.

- Да, Каролина Эдуардовна, - произносит она почтительно. - Да, есть у меня кандидат. На должность секретаря. Да.

Она замолкает и слушает. Я невольно тоже выпрямляюсь, хотя ничего не слышу. Потом Клавдия Ивановна скидывает брови.

- Сейчас? Ох...

Она медленно переводит взгляд на меня. В ее глазах столько сомнения, что мне хочется проверить, не появилось ли у меня на лбу что-нибудь неприличное.

- Что? - беззвучно спрашиваю я.

Клавдия Ивановна машет рукой, приказывая молчать.

- Он из айти-отдела, джун, попавший под сокращение, - продолжает она. - Да, тот самый отдел. Но у него высшее ме-

неджерское образование. Я предварительно с ним поговорила, и он вполне подходит.

Она снова смотрит на мою футболку и морщится.

- Только выглядит он сейчас не очень. Нет, это мягко сказано. Ну вы знаете, как типичный айтишник. Да, понимаю. Хорошо. Через пятнадцать минут приду с ним.

У меня округляются глаза. Я показываю на себя и одними губами произношу:

- В таком виде?

Клавдия Ивановна отворачивается.

- Угу. Поняла. Будем вовремя.

Она кладет трубку, несколько секунд неподвижно смотрит на телефон, а потом резко поднимается.

- Так, Гриша, слушай меня очень внимательно. У нас пятнадцать минут.

Я снова оглядываю себя и развожу руками.

- А костюм? Рубашка? Галстук, который я должен купить ради возможности сохранить работу?

- Уже не успеем. Придется идти так.

- Вы только что сказали, что она не возьмет меня в таком виде.

- Поэтому тебе придется понравиться ей не внешним видом, а поведением. Если это вообще возможно.

Клавдия Ивановна выходит из-за стола, подходит ко мне и поправляет ворот моей футболки. Лучше не становится. Тогда она пытается пригладить мне волосы, но я отшатываюсь.

- Не трогайте. Я утром укладывал.

- Чем? Подушкой?

- Руками.

- Оно и видно. Ладно, времени нет. Запоминай. Каролина Эдуардовна - холодный, расчетливый и очень требовательный руководитель. Не перебивай ее. Не шути, если тебя об этом не просили. Не разваливайся в кресле. Сиди прямо.

Я выпрямляю спину.

- Так?

- Еще прямее.

- Я не гимнаст.

- Смотри ей в глаза, но не пялься. Отвечай быстро, четко и по существу. Не мямли, не спорь и не пытайся казаться умнее, чем ты есть.

- А если я умнее, чем кажусь?

- Сейчас это особенно трудно доказать. И самое важное: упаси тебя Господ с ней флиртовать! Она уже 15 лет как благочестивая вдова, и до сих пор хранит верность и почтение своему покойному мужу.

- Как скучно. — хмыкаю я. - Наверно у нее какие-то психологические проблемы.

- А вот это уже Гришенька, не нашего ума дело! — отрезает кадровичка.

Она отходит на шаг и оценивает меня целиком.

- Будь учтивым, собранным и расторопным. Если она даст поручение, сразу запоминай. Если не понял, задай один

нормальный уточняющий вопрос, а не десять глупых. Ничего лишнего себе не позволяй.

- Что именно считается лишним?

- Все, что ты обычно делаешь.

- Очень полезное объяснение.

- И никаких фраз про варку кофе. Секретарь - это лицо приемной и правая рука руководителя.

- Правая? А если я левша?

- Григорий!

- Все, молчу.

Клавдия Ивановна продолжает объяснять, как нужно обращаться к Каролине Эдуардовне, когда можно сесть, куда деть руки и каким тоном отвечать. Чем дольше я ее слушаю, тем сильнее мне кажется, что иду не на собеседование, а на допрос. Под конец я уже боюсь и предстоящей встречи, и самой женщины, которую видел изредка или издалека. Ну не сходит до нас такое высокое начальство.

С другой стороны, чего мне терять? Меня уже сократили. В худшем случае пойду домой и буду играть в компьютер. Мама у меня работающая пенсионерка, в бухгалтерии трудится. У нее есть зарплата, пенсия и какие-то сбережения. Нам вдвоем вполне хватит.

Правда, если я сообщу маме, что меня не взяли из-за грязной футболки и дурацких шуток, она расстроится. Она так гордилась, когда меня в эту компанию айтишником взяли. Всем рассказывала.

- Гриша, ты меня слушаешь?! - сердито спрашивает кадровичка.

Я вздрагиваю и поспешно киваю:

- Да, да, слушаю. Конечно. Очень внимательно.

ГЛАВА 4

ГРИГОРИЙ

Мы с Клавдией Ивановной проходим через приемную, и я невольно оглядываю свое предполагаемое будущее место работы.

Помещение светлое, чистое, дорогое. На полу лежит пушистый ковер, в котором мои грязные кроссовки утопают. У стены стоят два узких кресла на тонких изогнутых ножках, а между ними притулился крошечный стеклянный столик. На нем стильная ваза с конфетами, стопка глянцевых журналов и горшок с каким-то декоративным бурьяном, я не разбираюсь в цветах.

Все здесь кажется маленьким, изящным и до смешного хрупким. Будто приемную обставляли для кукол, а не для людей. Как я себя буду здесь чувствовать? Как слон в посудной лавке? Я вешу сто двадцать килограммов, и при одном взгляде на кресла мне становится тревожно. Если сяду, ножки разъедутся, стеклянный столик перевернется.

Я стараюсь идти осторожно и втягиваю живот, хотя прекрасно понимаю, что меньше от этого не становлюсь.

Клавдия Ивановна кивает и поправляет цветастую блузу.
- Пойдем Гриша. Не волнуйся.

Легко ей говорить.

Мы входим в святая святых компании, в кабинет гене-

ральной директрисы. Я бывал на этом этаже всего пару раз и дальше приемной никогда не проходил. Теперь понимаю, почему кабинет Волковой окружают почти мистическим ореолом.

Здесь все дорогое, но не кричащее. Темное дерево, кожа, картина в тонкой раме, какая-то тревожная и странная. Женщина то ли лежит, то ли ползет по полю к дому*. За огромными окнами лежит город.

*Григорий увидел репродукцию картины «Мир Кристины» Э. Уайта.

За массивным столом сидит миниатюрная хрупкая блондинка.

Я на мгновение даже забываю, зачем пришел.

Боже, она такая худая, будто куколка, а не живая женщина. Тонкие запястья, узкие плечи, изящные пальцы. Сколько у нее детей? То ли трое, то ли четверо. И она уже пятнадцать лет как вдова. Значит, ей точно больше сорока пяти. Но глядя на нее, этого не скажешь. Максимум тридцать. В общем, видно, что ей не двадцать, что она не звонкая девочка, но старухой назвать ее вот вообще нельзя!

Наверняка операции, косметология, дорогие кремы и специальные процедуры. Женщины любят следить за собой, а с такими доходами, как у Волковой, можно вообще не стареть.

Каролина Эдуардовна поднимает на меня взгляд, и меня будто обжигает горячим пламенем. Глаза у нее большие, синие, невероятно ясные. Я таких вообще не видел. Все окру-

жающие меня женщины были какими-то обычными, даже те, с кем я пытался строить отношения. А генеральная директорша совершенно другая.

Я словно вижу настоящую королеву. Не актрису в костюме и не фотографию из журнала, а реальную королеву с безупречной осанкой, спокойными манерами и врожденной уверенностью в том, что все вокруг обязаны ей подчиняться.

Гладкие прямые волосы струятся чуть ниже плеч. Макияж сдержанный. На ней шелковая синяя блузка, наглухо застегнутая до последней пуговицы. Что там внизу, я не вижу из-за стола, но даже мне понятно, что блузка стоит дорого.

Вот Клавдия Ивановна одета в цветастую блузу. Моя мама тоже такие любит, у нее ими целый шкаф забит. Каролина Эдуардовна недалеко от них ушла по возрасту, но выглядит совсем иначе. Элегантно и утонченно.

Из украшений на ней только серьги-гвоздики и обручальное кольцо на правой руке.

Вот как. Пятнадцать лет назад она стала вдовой, а кольцо до сих пор не снимает. Хотя могла бы найти себе сколько угодно мужей и любовников. Стоило ей захотеть, мужчины наверняка выстроились бы в очередь.

- Вот, привела кандидата, - говорит Клавдия Ивановна. - Григорий Сергеевич Лапшин. Работает в нашей компании с прошлого ноября, в айти-отделе. Непосредственный руководитель - Ренат Рифатович Гафаров.

При упоминании имени Рената Каролина Эдуардовна ед-

ва заметно морщится. Всего на секунду, но я успеваю заметить.

Она оглядывает меня холодным взглядом. Ни улыбки, ни любопытства, ни малейшей заинтересованности. Перед ней не человек, а строка в списке кандидатов. Набор характеристик, который следует проверить и либо одобрить, либо вычеркнуть.

- Присаживайтесь, - говорит она.

Голос у нее глубокий, бархатный, тихий. Совсем не писклявый.

Я осторожно опускаюсь на стул. Он тоже выглядит недостаточно надежным для моих ста двадцати килограммов. Стараюсь не двигаться.

Каролина Эдуардовна открывает лежащую перед ней папку.

- Почему вы считаете, что подходите на эту должность?

- Я ответственный, - начинаю я. - И быстро учусь. Хорошо знаю структуру компании, сотрудников...

- Структуру компании вы знаете в пределах своего отдела, - перебивает она. - Это не одно и то же.

- Да, конечно. Но я готов разобраться.

Она делает короткую пометку. Я же про себя отмечаю, что у нее белые ровные зубы и приятные духи. Запах какой-то необыкновенный. Королевский.

- Готовность разобраться не равна компетентности. Приведите конкретный пример задачи, которую вы решили са-

мостоятельно. - раздается ее голос.

Я рассказываю о сбое, случившемся два месяца назад. От волнения перескакиваю через подробности, путаюсь в датах и слишком долго объясняю то, что можно изложить парой фраз.

- Это была групповая работа, - замечает она. - Какой именно вклад внесли лично вы?

- Я первым нашел причину. То есть почти первым. Мы с коллегой одновременно...

- Значит, не первым.

- Технически нет, но решение предложил я.

- Какое?

Я называю решение. Она задает еще три уточняющих вопроса. По ее лицу невозможно понять, правильные ли у меня ответы. Она не хвалит, не кивает, не старается меня подбодрить. Просто собирает информацию.

- В личном деле указано, что вы дважды опаздывали, - говорит она.

- Один раз маршрутка сломалась, а второй раз будильник не сработал...

- Причины не имеют значения. Вы опаздывали?

- Да.

- На сколько?

Я называю время.

- Григорий Сергеевич обычно приходит заранее, - вмешивается Клавдия Ивановна. - И оба раза он предупредил ру-

ководителя.

Каролина Эдуардовна переводит на нее взгляд.

- Я вижу служебные отметки. Мне нужны ответы кандидата, а не рекомендации отдела кадров.

- Конечно, Каролина Эдуардовна, извините.

Мне становится жарко. Я чувствую, как ворот футболки давит на шею.

- Как вы ведете себя в конфликтной ситуации? - продолжает она.

- Стараюсь договориться.

- Это общая фраза. Допустим, ваш коллега игнорирует распоряжение, а из-за задержки компания несет убытки. Ваши действия?

Я отвечаю. Она тут же меняет условия задачи, добавляет новые обстоятельства и спрашивает снова. Потом интересуется, умею ли я признавать ошибки, готов ли работать сверхурочно и что сделаю, если требование руководителя покажется мне неверным.

- Сначала выясню причины, - говорю я. - Возможно, я просто не вижу всей картины.

Впервые мне кажется, что ответ ее устраивает. Но уже через секунду ее лицо снова становится непроницаемым.

- Каковы ваши зарплатные ожидания?

Я называю сумму и тут же думаю, что попросил слишком много.

- Почему именно столько?

- С учетом обязанностей и уровня ответственности.

- Уровень ответственности вы пока представляете приблизительно.

- Да, но я готов ее принять.

Она закрывает папку.

Я жду еще одного вопроса, но Каролина Эдуардовна смотрит уже не на меня, а на Клавдию Ивановну.

- У него есть дисциплинарные взыскания?

- Нет. Отзывы в целом положительные. Обучается быстро, с коллективом ладит. Ренат Рефатович тоже отмечает его исполнительность.

При имени Рената на лице директрисы снова появляется едва заметная тень недовольства.

- Хорошо, - произносит она. – Я приму решение после того, как поговорю с остальными кандидатами.

- Спасибо, Каролина Эдуардовна, - говорю я. - Я вас не подведу.

- Пока для такого обещания нет оснований.

Она произносит это спокойно, без желания обидеть. Ей действительно все равно, что я чувствую. Для нее я один из нескольких вариантов. Не Гриша, не мужчина, не человек, которого можно пожалеть или поддержать. Просто кандидат Лапшин с определенным опытом, весом, возрастом и двумя опозданиями.

Я встаю, стараясь не задеть стул, и иду к двери. В приемную я буквально выползаю, полностью ошеломленный ею.

Какая женщина! Сердце колотится так, словно я не прошел собеседование, а пробежал несколько километров.

И получить эту должность теперь хочется еще сильнее.

ГЛАВА 5

ГРИГОРИЙ

Дома с каждым часом мое напряжение только возрастает. Я пытаюсь отвлечься, хожу из комнаты в комнату, включаю телевизор, несколько раз проверяю телефон, но все без толку. Я снова и снова прокручиваю в голове собеседование. Вспоминаю свои ответы, ее вопросы, интонации и короткие взгляды.

И думаю о Каролине.

Такие женщины просто не встречаются на моем пути. Из-за полноты и добродушного характера женщины обычно видят во мне большого медвежонка, безобидного увальня или вечного маменькиного сыночка. Девушки воспринимают меня как неуклюжего парня, с которым можно поболтать, попросить помочь с компьютером или пожаловаться.

Каролина Эдуардовна смотрела на меня не так, как все они. Не могу объяснить, в чем именно разница, но она есть. Кажется, она видела во мне личность, настоящего меня и это ужасно мне льстит.

Хотя с чего я вообще это взял? Она задавала стандартные вопросы, получала ответы и делала пометки. Наверняка уже через пять минут после моего ухода она забыла, как я выгляжу. Но мне хочется думать, что она меня заметила. Пусть совсем немного, хотя бы на несколько секунд.

Мама замечает мое беспокойство.

- Гриша, ты чего такой дерганый? - спрашивает она, выглядывая из кухни. - Случилось что-нибудь?

- Ничего не случилось.

- На работе все нормально?

Я отвожу глаза.

О том, что меня сократили, я ей пока не говорю. Если признаюсь, она сразу начнет переживать, мерить давление и звонить всем знакомым. Потом будет искать мне новую работу через двоюродную тетю, соседку и бывшую одноклассницу, которую не видела лет двадцать. А меня может завтра в секретари примут, и мама даже не узнает, что были проблемы.

- Нормально все, мам.

- Точно?

- Точно. Просто устал.

- Бедный сынок. Так много приходится тебе работать, эх!

Ну иди кушать. Я чебуреки пожарила.

На кухне уже стоит целая гора жирных румяных чебурек. Масло еще шипит на сковородке, а запах такой, что я мгновенно забываю обо всех неприятностях.

- Мам, зачем столько? - уточняю я просто, чтобы поддержать разговор.

- А что их считать? Ешь, пока горячие.

- Я один столько не съем. - на самом деле съем. И я, и мама об этом хорошо знаем.

- Съешь. Ты с утра почти ничего не ел.

Я съедаю первый чебурек, потом второй, третий. Мама подкладывает новые, и я не отказываюсь. Тесто тонкое, хрустящее, начинка сочная, горячий сок течет по пальцам. В какой-то момент я понимаю, что уже сыт, но на тарелке остается еще два.

- Доедай, - говорит мама. - Не оставлять же.
- Я больше не могу.
- Можешь. Ты мужчина молодой, растущий организм.
- Мне двадцать пять. Я уже не расту.
- Для матери дети всегда растут.

Я смеюсь и доедаю.

После чебуреков мама достает из морозилки ведро мороженого. Ну лето же. Когда еще есть мороженое, если не сейчас? Я устраиваюсь перед телевизором и незаметно съедаю все. Потом беру огромную пачку чипсов со вкусом сметаны и лука, бутылку сладкой газировки и ухожу к себе.

Сажусь за компьютер. Старое кресло жалобно скрипит под мной, но выдерживает. Я запускаю игру, надеваю наушники и несколько минут смотрю в главное меню. Играть не хочется. Все кажется бессмысленным и скучным.

Закрываю игру, открываю поисковик и вбиваю имя: «Каролина Эдуардовна Волкова».

Информации немного. Она не актриса, не певица и не блогер, поэтому в светской хронике почти не появляется. Но кое-что находится. Несколько интервью в финансовых журналах, старые фотографии с деловых мероприятий, офици-

альная биография на сайте компании.

Ей действительно сорок пять лет.

Я несколько секунд смотрю на цифру, потом открываю фотографию с какой-то конференции. На ней строгий брючный костюм, волосы собраны, в руке микрофон. Она выглядит старше, чем сегодня в кабинете, но все равно невероятно красивая.

Пятнадцать лет назад Каролина Эдуардовна овдовела. Ее муж погиб в автомобильной катастрофе, и на ее руках остались трое сыновей и дочь. Не младенцы, конечно, но все равно маленькие дети, школьники. Одно издание пишет, что до смерти мужа Волкова почти не занималась делами компании. Конкуренты надеялись быстро обвести вчерашнюю домохозяйку вокруг пальца и растащить бизнес.

Но не тут-то было.

Каролина Эдуардовна проявила железный характер и недюжинные способности. Она не только сохранила компанию мужа, но и расширила ее, увеличив благосостояние семьи в несколько раз. Теперь Волкова входит в список самых богатых женщин, а ее решения разбирают в финансовых журналах.

Я увеличиваю фотографию.

Вот эта хрупкая куколка, с которой я сегодня разговаривал, в одиночку воспитала четверых детей и по сей день управляет огромной компанией?! Выдерживает давление, борется с конкурентами, принимает решения, от которых за-

висят сотни людей!

Я откидываюсь на спинку. Продранное кресло отчаянно вопит подо мной.

- Невероятная женщина, - бормочу я.

Она королева. Настоящая, а не сказочная.

И тут же подсознание ворчливым маминым голосом напоминает: «Она тебе в матери годится».

Ну да, ее старший сын - мой ровесник. Остальные дети тоже не слишком далеко ушли от меня по возрасту. Наверняка они высокие, красивые, уверенные в себе. Настоящие наследники своей матери. А я сижу в своей старой комнате, куда меня из роддома принесла мама, ем чипсы и рассматриваю чужие фотографии.

Но какая разница, сколько лет Каролине? Она красавица, и я не могу с этим спорить.

От волнения я начинаю быстрее молоть чипсы. Крошки летят на поцарапанный письменный стол, который стоит здесь еще с моих школьных времен. Пальцы становятся жирными, но я продолжаю листать фотографии.

Неужели я влюбился?

Вот так, с первого взгляда? Во взрослую женщину?

В голове почему-то звучит более грубое: «Во взрослую тетку». Я тут же морщусь. Какая она тетка? Каролина Эдуардовна выглядит лучше всех девушек, с которыми я когда-либо знакомился.

Да и сам я уже не мальчик. Мне двадцать пять лет. Чет-

верть века! Вполне солидный возраст для мужчины.

- Гриша, пойдем сериал смотреть! - кричит мама из зала.
- Уже началось! Я шарлотку испекла нам к чаю!

Я закрываю страницу.

- Иду!

Я уже не хочу есть, но отказываться от шарлотки глупо, ведь нет ничего вкуснее маминой выпечки. Я устраиваюсь рядом с ней на диване. Мама ставит на стол пирог, режет его большими кусками и разливает сладкий чай.

- Ты опять с телефоном, - замечает она.

- Я не с телефоном.

- Тогда чего такой задумчивый?

- Да так.

- Девушка появилась?

Я едва не давлюсь шарлоткой.

- С чего ты взяла?

- Материнское сердце всегда предчувствует. - мрачно отвечает она.

- Никого у меня нет.

- И хорошо, - с облегчением отвечает она. - Сейчас нормальных девушек днем с огнем не сыщешь. Им только деньги подавай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.